

ВЕПСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ

В вепсских говорах существуют две лексемы для обозначения берестяного черпака, ковша с этимологически неясными истоками. Это **šumbuune** и **šuhlik**. В свое время для обеих предлагались параллели из коми, однако предложенные коми этимологии вызывали сомнение уже у самих авторов. В свете накопленных новых данных есть смысл обратиться к ним вновь.

Для южновепсского **šumbuune** 'берестяной черпак (для питья)' существует уже давняя, восходящая еще к Калиме и поддержанная позднее Тойвоненым [Toivonen, 1946, s. 399] зырянская этимология, возводящая его к коми-зыр. **šumrel** 'берестяной черпак для питья воды', которое, в свою очередь, — и это, кажется, признается всеми исследователями, обращавшимися к анализу зырянской лексемы, — имеет угорские корни, ср. хант. *s'umale*, ? манс. *s'umr* [КЭСКЯ]. Тойвонен обосновывал свою позицию слишком близким фонетическим обликом и семантическим тождеством вепсской и угорской (и коми) лексемы, которое невозможно было бы в случае общих праязыковых финно-угорских истоков слова в угорских, коми и вепсском языках [Toivonen, 1946]. Наоборот, Утила, признавая угорские корни зырянского **šumrel**, считал в то же время, что вепсское слово вряд ли является коми заимствованием. Скорее, это общая древняя основа, свидетельствующая о традиционной

финно-угорской «берестяной» культуре [Uotila, 1935, s. 104]. Он возражал Калиме, реконструировавшему для вепского слова производящую основу *šumbui, восходящую к *šumpel, справедливо полагая, что следует исходить из основы **šumb(u)*, оформленной вепским деминутивным суффиксом *-iñe* (*šumbuiñe > *šumbuiñe* по фонетическим законам южновепского диалекта).

Такова предыстория этимологических штудий вепского *šumbuiñe*. Между тем предложенные интерпретации не учитывали того факта, что у южных вепсов существует самостоятельная лексема **šumb**, которая и является производящей основой для *šumbuiñe* и имеет значение ‘угол, тупик’. Очевидно, слово это не попало в свое время в поле зрения исследователей. Если *šumb* — это ‘угол’, то *šumbuiñe* с деминутивным суффиксом соответственно ‘уголок’, что вполне соответствует форме берестяного черпака, представляющего собой свернутый из куска бересты конус.

Значение ‘угол, тупик’ отразилось, видимо, и в ряде топонимов в вепском и смежном с ним ареале в Обонежье и Приладожье, где топооснова *šumb-* известна в названиях озерных заливов: ср. залив *Šumbaskar* (kar ‘залив, бухта’) на оз. Шимозеро в южном Обонежье, залив *Чомба* на Ладожском озере. Она присутствует также в названиях озер, имеющих сложную конфигурацию и изобилующих заливами. Яркими примерами могут быть озера *Чумбасозеро* и *Чумбудозеро* в Пудожье. В топонимии известен также руч. *Чомбак* в бассейне р. Свирь.

Исходя из вышесказанного, можно предположить для вепского названия берестяного ковша (*šumbuiñe*) свою, вепскую, интерпретацию, возводящую его к южновепскому *šumb* ‘угол, тупик’. Это, однако, не снимает проблему полностью, а лишь переводит ее на другой уровень, связанный с поиском истоков самого *šumb* в вепском, где оно имеет очень локальное распространение, ограничиваясь южновепским ареалом. На первый взгляд кажется, что ареал может быть расширен за счет топонимных фиксаций, однако на деле нельзя быть до конца уверенным в вепских истоках названных выше топонимов. Они могут быть и довепским наследием, на что указывает косвенным образом разреженный и достаточно аморфный ареал топоосновы.

В восточных вепских говорах берестяной черпак для питья называется **šuhlik** или **šuhluñe**. Оба варианта представляют собой суффиксальные образования от производящей основы *šuhl-*: в *šuhluñe* присутствует продуктивный вепский деминутивный суффикс *-iñe*,

в *čuhlik* — суффикс *-ik*, также с деминутивной семантикой [Hakulinen, 1968, s. 105—109]. Однако сама производящая основа выглядит достаточно загадочно, для нее не обнаруживается четких параллелей в родственных прибалтийско-финских языках. Можно ли как-то приблизиться к разгадке происхождения этого темного слова?

Начнем с того, что помимо восточных вепсских говоров слово бытует в олонецких вытегорских говорах, ср. **чублик**, **чуглик** 'ковш для питья из дерева или бересты' [Фасмер]. С учетом того, что вепсское прошлое Вытегорского края не вызывает сомнения, что ареал восточных вепсских говоров непосредственно примыкает к вытегорской территории, русское диалектное слово следует, скорее всего, рассматривать как вепсское субстратное включение, появившееся в результате ассимиляции местного вепсского населения. Любопытно, что Калиме, обратившему внимание на вытегорское слово, очевидно, не была известна вепсская лексема *čuhlik*, поскольку он, а вслед за ним и Фасмер возводят русское **чублик**, **чуглик**, бытующее в Вытегорье, к территориально далекому коми источнику *tšibl'eg* (чибльӧг) с тем же значением, замечая при этом, что этимология последнего не ясна [Фасмер]¹.

Вепсские истоки для русской диалектной лексемы с чрезвычайно локальным ареалом распространения, непосредственно примыкающим к вепсскому языковому ареалу, а в недавнем прошлом входившим в состав последнего, выглядят все же предпочтительнее. Это, однако, не снимает полностью с повестки коми этимологию, а лишь отодвигает ее в плоскость коми-вепсских языковых взаимоотношений: считать ли вепс. *čuhlik* заимствованием из коми?

Коми-прибалтийско-финские (вепсско-карельские) лексические связи не раз привлекали к себе внимание финно-угроведов. Этой проблеме посвящен целый ряд публикаций, выявивших достаточно показательную статистику заимствованных слов. Число коми заимствований в прибалтийско-финских языках на порядок меньше, чем слов прибалтийско-финского происхождения в коми. Подобное

¹ Этимологический словарь коми языка вслед за К. Редзи рассматривает коми чибльӧг в одном гнезде с семантически сходными чобльӧг, чипыль, чипыш и сопоставляет их с венгерским *csurog* (*csurrot*) 'кружка', реконструируя допермскую основу **č'urpe* > общеперм. **č'ur-* > **č'ub-*, которая оформлена в коми словах словообразовательным суффиксом *-(ы)льӧг*, *-ыль*, *-ыш* [КЭС-КЯ, с. 306].

соотношение вполне согласуется с характером и направлением миграционного потока с запада на восток. Надо полагать, что именно с этим потоком прибалтийско-финская лексика проникла и в Заволочье, и дальше на восток в коми ареал. Обратных заимствований — из коми в карельский и вепский — единицы, при этом любое из них на поверку вызывает вопросы (и вызывало их уже у самих авторов этимологий). Самый главный из них — как и почему эти несколько слов продвигались против течения (= колонизационного потока). Не случайно поэтому в качестве альтернативы заимствованию предлагается исходить из сохранения в коми и прибалтийско-финских языках единого древнего финно-угорского наследия [Uotila, 1935, s. 104], из проникновения коми слов в прибалтийско-финские языки через посредство севернорусских говоров [Кожеватова, 1996], а также из общих ареальных инноваций, возникших в результате контактов с вымершими субстратными языками [Кожеватова, 1996].

В этом контексте, а также с учетом некоторых новых материалов, прежде всего ономастических, поиск других (не коми) возможных источников для вепского *šuhlik* представляется вполне обоснованным.

Выше отмечалось уже, что *šuhlik* и *šuhluine* восходят к производящей основе **šuhl-*, которая не известна вепским говорам в качестве самостоятельной лексемы. Она, однако, воспроизводится в здешних географических названиях.

В низовьях реки Оятти, изобилующей речными коленами и старицами — карами, в окрестностях бывшего Введенского монастыря известен мыс под названием Чёгла. Он образуется речной петлей и отделен от берега дополнительно еще двумя старицами — Сотникова Кара и Рыкун, которые оставляют лишь узкий проход, соединяющий мыс с берегом (рис. 1). В районе урочища Чёгла в Оять впадает одноименная река, название которой образовалось, очевидно, в результате метонимического переноса оронима на речку. На картах Генерального межевания XVIII века река названа Вагажской речкой. Среди других названий с заинтересовавшей нас основой — руч. Чеглин в бассейне р. Капши, мыс *Šuulnet* (нем 'мыс')

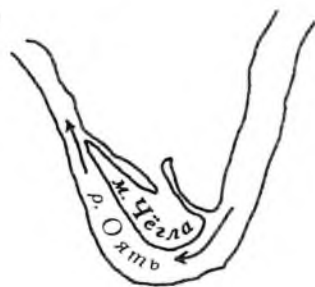

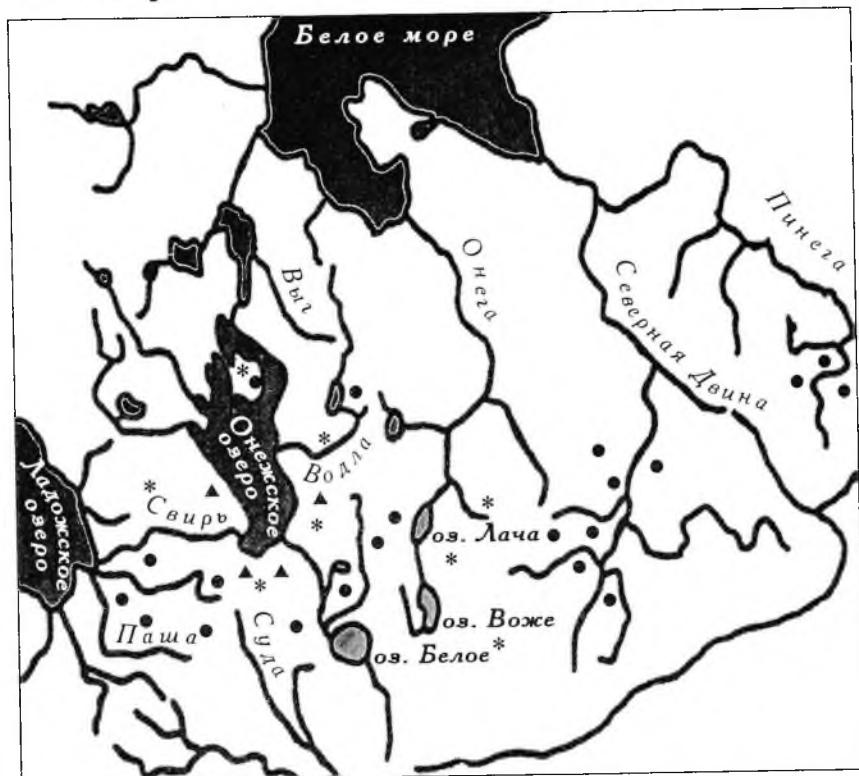
Рис. 1. Урочище Чёгла на р. Оять

в верховьях р. Капши, руч. *Сuhloja* (оја 'ручей') на Ояти, урочище *Чулуконда* (-конда < карел. *kond*, *kondu*, вепс. *kond 'крестьянский двор с окружающей землей') на Свири, дер. Чуглова в Заонежье. Кроме того, в топонимии означенного ареала представлена также основа *сuhlik*. У прионежских вепсов известно бол. *Сuhlik* - *Сuhlikso* (so 'болото'), в южном Обонежье урочище *Чуглики* - *Чуглицкий Угол*, бол. *Чуглик*, в Пудожье гора *Чублик* (рис. 2). Я не стала бы настаивать на жесткой связи последних с апеллятивом *сuhlik* 'берестяной черпак'. В принципе они могут быть выстроены по модели *сuhl-* + суффикс *-ik*, нередкий в топонимах.

В ряду приведенных выше примеров привлекает к себе внимание еще одна топооснова, отразившаяся в названии горок *Сuhlak* - *Сuhlaktmägi* (*mägi* 'гора') в вепском и *Чубрак* в русском Присвирье, *Чублак* и *Подчублак* в южном Обонежье, *Чублак* - *Чуглак* в Заонежье, *Чублак* в Пудожье. Структурно *сuhlak* /чублак - чуглак раскладывается на основу *сuhl-* /чубл. -чугл- и формант *-ak/-ak*. Последний (в функции подобия выраженному корневым словом (*nemak* - *nem* 'мыс', *saŋjak* - *saŋ* 'остров', *kendak* - *kend* 'берег') известен вепсскому словообразованию, хотя и не входит в число продуктивных вепских суффиксов. Больше следов он оставил в топонимии: *Sürd'ak*, *Lačak*, *Härjak*, *Vijak*, *Vašak*, *Mäl'l'ak*, *Hütak*, *Koźjak*, *Сuhak* и т. д. Впрочем, лишь для отдельных топонимов этого типа удастся обнаружить в вепских говорах производящую основу, соответствующий апеллятивный этимон (типа *sürd'*, *haŋj*). В ряду приведенных апеллятивов и топонимов, видимо, есть смысл рассматривать и *сuhl-* - *сuhlak*, тем более что в топонимии Обонежья представлены оба варианта. Картографирование убеждает в том, что топооснова *сuhlak* /чублак - чуглак известна не только в Обонежско-Присвирском регионе (рис. 2).

Ее ареал тянется, судя по материалам картотеки Уральского университета, от р. Ваги на запад, в Обонежье. Причем на восточной периферии ареала **чублак** фиксируется и в апеллятивном употреблении в значении 'большая гора, поросшая лесом'.

Судя по данным той же картотеки, на Двине присутствует еще одна чрезвычайно любопытная в контексте данной статьи русская диалектная лексема — местный географический термин **чугла** в значении 'горка, холм, угор, возвышенность'. Слово достаточно широко бытует здесь и в топонимии — в названиях возвышенных участков местности. Насколько реально сопоставлять его с топоосновой **сuhl-* /чугл-, зафиксированной в ареале Обонежья? Фо-

Рис. 2. Распространение топонимов на *čuhl-*:● — *čuhl-* / чугл-, чегл-;▲ — *čuhlik* / чуглак;* — *čuhlak* / чуглак, чублак ...

нетически такое сопоставление вполне оправдано, как, впрочем, и семантически. Хотя основа **čuhl-* / чугл- присутствует в названиях разнородных объектов, более близкое знакомство с характеристикой последних приводит к мысли о том, что на самом деле существует нечто общее, объединяющее географические объекты с названной топоосновой. Таким объединяющим началом является угловое, тупиковое, конечное расположение объектов на местности. Именно такова характеристика речных наволоков *Чегла* и *Сиулпет*, расположенной на озерном мысу деревни *Чугловой*, болота *Čuhlik* в юго-западном Прионежье, урочища *Чуглицкий Угол* в южном Обонежье. Этот ряд примеров дает основание предполагать для основы **čuhl-* семантику 'угол, край, конец', которая, кстати, очень естественна с позиций лексемы *čuhlik* (букв. 'уго-

лок'), обозначающей свернутый конусом кусок бересты (ср. *šumb* 'угол' → *šumbuiŋe* 'берестяной черпак', букв. 'уголок'). Реконструированная для **šuhl-* семантика не противоречит значению 'гора' лексем **чугла** и **чублак**, ибо семантическое развитие 'край, конец' → 'гора' известно некоторым финно-угорским лексемам, ср. прибалт.-фин. *sygjä* (вепс. *süjŋ*), которое бытует, с одной стороны, в значении 'бок, край, конец', с другой — 'горка, холм, возвышенность'; саам. *šoggu* 'край, сторона, конец' и *šogg* 'вершина холма'.

А. К. Матвеев предлагает для двинского термина **чугла** коми этимологию, сопоставляя его с коми-зыр. *чукля* 'кривой', *чукль* 'изгиб, поворот, излучина, лука реки'. Одновременно он указывает на определенную спорность этимологии [Матвеев, 1968, с. 31, 37]. Спорные моменты связаны с тем, что пермские по происхождению названия встречаются исключительно в восточном Заволочье, при этом если в северо-восточной части региона они связаны с поздним зырянским движением к устью Северной Двины, то в юго-восточной — с неясным по происхождению пермским или прибалтийско-волжско-пермскими элементами. Естественно, что пермские истоки для *šuhl-* / *чугл-* представляются еще менее реальными в Обонежье. Оставив поэтому на время заволочские параллели, обратимся к любопытным данным, обнаруживающимся на северо-западе от Обонежья, на территории северной Карелии и Финляндии.

В говорах северной Финляндии известен географический термин **juolu** в значении 'мыс, вдающийся в болото или водоем; каменистый склон горы' [Räsänen, s. 1995, 539]. Оригиналом для него признается саамская лексема **čuollo**, **čuollu**, которая имеет целый ряд значений, в том числе 'специальное устройство, направляющее лососей в запруды; загон для оленей; специальная изгородь, перегораживающая озерный мыс' и т. п. Эти на первый взгляд достаточно далекие друг от друга значения в действительности объединяются вокруг одной идеи: некий природный или созданный человеком постепенно сужающийся коридор, использовавшийся для того, чтобы направить оленей, лососей и проч. к месту отлова. Видимо, значение промыслового термина в данном случае вторично, изначальное же значение 'край, бок, сторона, тупик' сохранилось в саамском **čuolo** 'расположенный боком', **čuollot** 'сбоку, боком, ребром'.

В финских говорах саамское заимствование в целом сохраняет семантику оригинала. Сопоставление не вызывает возражений и с точки зрения фонетики, ибо в диалектах северной Финляндии

саамское начальное *с* последовательно передается через *j*, ср. саам. *suahkos*, *surkas* 'зимник, зимняя дорога' → фин. диал. *jokos*; саам. *soġ* 'бедро, ляжка (животного)' → фин. диал. *jogva*; саам. *solme*, *soal'bme* 'пролив' → фин. диал. *jolma* и др.

По данным А. Ряйсянена, саамская основа отразилась в целом ряде географических названий на территории северо-восточной Финляндии, причем речь идет о названиях вдающихся глубоко в озеро мысов или узких перешейков, отделяющих одно озеро от другого, — т. е. мест, удобных для загона оленей. Подобным образом могут быть охарактеризованы и топонимы на *Šuol-/Juol-* на территории северной Карелии. Невольно напрашивается сопоставление с описанным выше приоятским мысом под названием *Чёла* и другими обонежскими топонимами на *чугл-*, которые называют объекты, идентичные северофинским и -карельским по своей географической характеристике и, видимо, по функции. Подобное сопоставление реально и фонетически и предполагает вторичность *h/г/б* в обонежских топонимах на *šuhl-/чугл-/чубл-* (по типу саам. *jav're*, *jau're*, *jäu'rg* etc. < *javre 'озеро', ср. в топонимии северной Карелии *Jaurima* — в Обонежье *jahr-/ягр-*, ср. в топонимии Присвирья *Ягрема*).

В контексте приведенного материала привлекает внимание и саамская лексема *colle* 'возвышенность, холм, пригорок' [IW], для которой не удалось обнаружить научной этимологии, однако в смысле семантических универсалий (край → гора) она явно тяготеет к рассматриваемому ряду слов.

Предлагая саамские параллели, я не настаиваю на безусловных саамских корнях основы *šuhl-* в вепсском и смежном русском Обонежье. Проблема ее происхождения надо решать, принимая во внимание не только саамские связи, но и упоминавшиеся выше юго-восточные, двинские параллели. При этом нельзя обойти вниманием и ряда топонимов верхнего Поволжья, ср. костромские р. Чухлома, оз. Чухломское, д. Чухломка. Вообще в вепсском Обонежье фиксируется ряд топооснов, этимологизирующихся с саамского языка, однако имеющих при этом широкие, тянущиеся до Подвинья и Верхнего Поволжья, юго-восточные ареальные связи (типа *ягр-*), заставляющие усомниться в непосредственных саамских истоках топооснов и склоняться, скорее, к неким субстратным языкам, принявшим участие в формировании современных саамских языков. В восточных вепсских говорах, тяготеющих ареально к Белозерью, обнаруживаются и показательные лексемы с широки-

ми восточными ареальными связями (ср. вост. вепс. *sohring* — сев.-рус. *шогра - согра* — коми *согра - сōгра* — марийск. *šürgö* — саам. **šovr*). Они не имеют удовлетворительной этимологии с живых финно-угорских языков и, видимо, должны быть признаны субстратным включением из вымершего финно-угорского языка, занимавшего промежуточное положение между мерянским языком на юге и саамским на севере [Востриков, 1990, с. 89]. Не входило ли в их число и *čuhl-/чугл-*? Определенный семантический разноречивостью, характерный для основы на разных участках ареала, в действительности укладывается в универсальные закономерности семантического развития. Судя по ареалу распространения, можно предположить, что истоки основы — в неизвестном субстратном языке, принявшем участие в сложении ряда современных финно-угорских языков. Это предположение согласуется с тем, что общий для коми и прибалтийско-финских языков фонд географической терминологии оказывается на 70% сформировавшимся под влиянием неизвестного субстратного языка [Кожеватова, 1996, с. 10].

Что же касается непосредственно термина, служащего для обозначения берестяного черпака (*čuhlik*, *čuhluine*), то, исходя из оформления основы прибалтийско-финскими словообразовательными суффиксами, логично видеть в нем свое, вепское, производное от финно-угорской основы *čuhl-*, представлявшей в восточных вепских говорах субстратное включение из поглощенного вепским языком неизвестного языка Белозерья, имевшего достаточно широкие ареальные связи к юго-востоку от Белозерья и, очевидно, родственного саамскому². Иначе говоря, история вепс. *čuhlik*, видимо, напоминает в основных своих чертах историю другого термина, обозначающего на востоке вепского ареала берестяной черпак, — *čumbuine*.

² Всплывает еще один любопытный для анализа термин — карельское слово *uhloi* со значением 'берестяная емкость с длинной ручкой, которой достают воду из колодца; черпак для воды', которое SKES приводит в одном гнезде с фин. диал. *ulhi*, *ulha* 'плохая старая посуда; ведро', *ulha*, *ulho* 'низина, овраг'. При всех вопросах, возникающих в связи с представленными лексемами, сопоставление с вепс. *čuhl(ik)* может оказаться перспективным. Возможно, здесь срабатывают какие-то скрытые фонетические закономерности, в силу ограниченного количества материала и его разнородности не доступные для анализа. Во всяком случае, определенные колебания в употреблении начального *č-* (*čuhl-* ~ *-uhl-*) известны и на других примерах, ср. вепс. *čumbistada* ~ *umbistada* 'закрывать', *čoraita* ~ *uraita* 'урчать'.

Литература и источники

Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.

Кожеватова О. А. Пути образования общего регионального лексического фонда на европейском Севере России // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996. С. 3—13.

КЭСЯ: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Матвеев А. К. Пермские элементы в субстратной топонимии Русского Севера // СФУ. 1968. № 1. С. 27—37.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

IW: Inarilappisches Wörterbuch. I. A-K. Herausgegeben von Erkki Itkonen. Helsinki, 1986 (LSFU, XX, 1).

Räsänen A. Kainuun saamelaisperäisiä paikannimiä // Virittäjä. 1995. № 4. S. 532—544.

SKES: Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. Helsinki, 1955—1981 (LSFU XII).

Toivonen J. H. Syrjäänien suhteista länteen // Virittäjä. 1946. № 4. S. 393—401.

Uotila T. E. Veps. tsumbuune // Virittäjä. 1935. № 2. S. 104.